

УДК 39(571.16)
DOI 10.17223/19988613/37/10

Е.М. Карагеоргий

«СИБИРСКИЕ АФИНЫ», ИЛИ «ГРЕЧЕСКОЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ г. ТОМСКА (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ГРЕЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ)

Исследование выполнено в рамках проекта «Человек в меняющемся мире.

Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», реализуемого в рамках гранта Правительства Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований № 14.В25.31.0009.

Рассматриваются условия и факторы формирования греческого общества в Томске, его особенности и формы манифестации данной этнической принадлежности в пространстве конкретного города. Исследуются категории этничности и диаспоральности применительно к томским грекам, понимание ими «греческости» как таковой, предпринимается попытка выявить причины ее актуализации и оценить ее значение для греков Томска. При анализе автор опирается на концепции «принадлежности» и «символической этничности».

Ключевые слова: диаспора; диаспоральность; (символическая) этничность; (этническая) принадлежность; «греческость»; общность; греческое общество.

Диаспора как исследовательская проблема – поле очень дискуссионное и сложное ввиду отсутствия согласия среди самих исследователей относительно содержания понятия «диаспора», а также относительно наличия или отсутствия явления как такового, которое это понятие призвано обозначать. К тому же, по общему признанию, оно стало столь распространенным в обществе, что само по себе превратилось в «диаспору» [1. С. 1], являясь носителем положительного или отрицательного смыслового заряда. И здесь целесообразность (а порой и этичность) использования термина «диаспора» в качестве категории научного анализа также подвергается сомнениям и критике [2]. В этих условиях обращение к полевым исследованиям, новому эмпирическому материалу, его накопление, сравнительное изучение, всесторонний анализ и обсуждение представляются особенно важными для возможных дальнейших теоретических построений в этом проблемном поле.

Исследование диаспоры и вопросы диаспоральности, в свою очередь, тесно связаны с исследованием этничности как таковой, факторов ее активации и мобилизации, выхода в публичную сферу и конкретных форм манифестации, ее значения в формировании и функционировании соответствующих общин, обществ, групп, ассоциаций, объединений и других «предполагаемых коллективностей» [1. С. 13] или «воображаемых сообществ» [3]. И здесь различные, порой противоположные, позиции исследователей сближает понимание того, что в отношении диаспоры «речь идет о крайне подвижном состоянии» [2. С. 170], а в отношении этничности – скорее о процессе [4. С. 127], нежели о чем-то статичном и неизменном.

Таким образом, вновь на передний план выходит вопрос, представляющий несомненный исследовательский интерес для многих: каковы причины актуализации этничности, почему возможна и происходит ее мобилизация, которая становится потенциально важ-

ным фактором социальной жизни (наряду с диаспоральностью), порождает определенные явления и процессы и тем самым дает пищу для размышлений о самой их природе, несмотря на всю возможную дискуссионность, условность и неоднозначность применяемых нами терминов и аналитических категорий в попытке как-то охарактеризовать исследуемое. В данной статье эти вопросы рассматриваются автором на материалах полевого исследования томского общества греков (официальное наименование сегодня – Региональная общественная организация Национально-культурная автономия греков Томской области), осуществленного в среде его членов, принимающих то или иное участие в его деятельности. Так, анализируются условия и факторы формирования греческого общества в г. Томске, его особенности и формы манифестации данной этнической принадлежности прежде всего в пространстве конкретного города, хотя она происходит и за его пределами, а также в виртуальном пространстве Интернета. Изучаются явления этничности и диаспоральности применительно к томским грекам, понимание ими «греческости» как таковой, возможные причины активации их этнической принадлежности и ее значение для членов данного общества. Методологически полевою – основную – часть данного исследования составили включенное наблюдение, ряд полуструктурированных интервью и неформальных бесед, а также фокус-группа с наиболее активными сегодня членами томского общества греков – участниками танцевального коллектива «Понтийская мозаика».

Для концептуализации собранного материала обозначим некоторые используемые нами понятия и выберем в качестве основополагающей категории анализа данного кейса концепцию «принадлежности» [5, 6], которая кажется наиболее инструментальной в нашем случае. При этом будем говорить об этничности, или этнической принадлежности (здесь принадлежность понимается, как концепция, а не как часть устойчивого

словосочетания «этническая принадлежность») как одной из возможных форм принадлежности, которая может являться результатом как сознательного выбора, и, таким образом, быть приобретаемой/приобретенной, так и быть приписываемой [6. С. 9]. С учетом вышеобозначенного под «греческостью» предлагается понимать «греческую этническую принадлежность» во всей полноте и неоднородности представлений о ней (исходя из ответов информантов на вопрос «что значит быть греком/гречанкой?») самими членами томского греческого общества. Интерес для нас представляет и понятие диаспоральности, под которой автором подразумевается свойство(-а) или качество, имеющее отношение к диаспоре или способное ее характеризовать. Последнюю же предлагается рассматривать здесь не как «узкую сущность, но как средство выражения, позицию и запрос» [1. С. 1], и в этом смысле наше понимание диаспоральности совпадает с осмыслением этничности, как «точки зрения на мир, а не сущности в мире» [7. С. 19]. Это то, по поводу чего участники процесса постоянно договариваются, и рассматривать в таких условиях любое их объединение (общину, общество и т.п.) как отдельную, неделимую единицу анализа было бы неадекватно более сложной и многомерной действительности. Однако не будем и полностью исключать категорию коллективного из нашего анализа ввиду того, что когда одно и то же видение и ощущение своей принадлежности разделяется многими, существует потенциал для мобилизации этничности, диаспоральности и, как следствие, этнизации как «процесса манифестации, а значит, мобилизации этничности, выхода ее в публичную сферу» [8. С. 212]. И в этом, пусть и достаточно ограниченном, ключе мы можем говорить о наличии группы или некоего коллективного целого (например, в публичном пространстве, где происходит позиционирование себя в качестве группы), поскольку мобилизация осуществляется не только на индивидуальном, но и на межличностном уровне, а манифестация и саморепрезентация осуществляются прежде всего коллективными усилиями. В этой связи при изучении этничности и диаспоральности представляется важным учитывать процессы, факторы и динамику как коллективного, так и индивидуального порядка.

Обозначим общий контекст рассмотрения нашего эмпирического материала. Так, численность греков, проживающих вне Греции, по подсчетам Всемирного совета греков зарубежья, составляет 5 607 950 человек [9] (в самой Греции, согласно последней переписи населения 2011 г., проживают 10 815 197 человек [10]). По данным Всероссийской переписи 2010 г., число греков в России составило 85 640 человек. Соотношение городского и сельского населения здесь 48 627 и 37 013 человек соответственно [11]. Греки в Томской области проживают достаточно давно. Согласно И.Г. Джухе, массовая миграция греков на восток Российской империи имела место в 1910-е гг., когда «де-

сятки мужчин из Батуми, Сухуми... устремились сюда на заработки» и стали обосновываться в сибирских городах вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, включая Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск и др. [12. С. 177]. По данным переписи [11], в Сибирском федеральном округе (СФО) в 2010 г. проживали 2 520 греков, из них 2 508 владели русским языком. Из 12 субъектов СФО Томская область по численности греческого населения занимала седьмое место (160 человек), уступая Красноярскому краю, Омской, Кемеровской, Новосибирской областям, Алтайскому краю и Иркутской области. Греческое население здесь преимущественно составляют греки понтийского происхождения, предки которых в 1930–1940 гг. в ходе репрессий были высланы в Среднюю Азию (Казахстан, Узбекистан, Киргизия) и Сибирь с юга России (тогда РСФСР (Краснодарский край, Ставрополье и др.) и других советских республик), где они проживали достаточно компактно и давно. Есть здесь и потомки политических эмигрантов, прибывших в СССР в результате Гражданской войны в Греции 1946–1949 гг. И лишь единицы составляют те, кто, по тем или иным причинам (учеба, семейные или деловые связи), приезжают в Сибирь – и в Томск в частности – непосредственно из Греции и Кипра. Таким образом, особенностью греческого населения Сибири в целом и Томска в частности является то, что оно сформировалось в результате множественных перемещений и миграций, как вынужденных, так и добровольных. Непосредственно Томская область не предназначалась для спецпоселения греков [12. С. 183]. В основном греки прибыли сюда уже позднее – для получения образования и дальнейшего трудоустройства в Томске – из Средней Азии, где оказались в результате сталинских репрессий.

Томское греческое общество было создано в 2000 г. Окончательно институционально оно оформилось в качестве региональной национально-культурной автономии (далее – РНКА или НКА) в 2010–2011 гг. на основе двух местных греческих НКА – Кожевниковского района Томской области и г. Томска. Общество продолжает существовать и заявлять о себе в публичном пространстве города, а также в виртуальном пространстве по сей день, претерпев определенные изменения. За 15 лет существования изменился состав руководства и наиболее активной части общества.

Обращаясь к факторам, которые обусловили возможность самоорганизации томских греков и становление греческой НКА, следует согласиться с важностью социально-политического контекста [13. С. 52] и изменением статуса этнической общности как таковой [Там же. С. 279]. Принятие в 1996 г. закона «О национально-культурной автономии» позволило заинтересованным в этом получить официальный статус, своего рода признание со стороны государства, что имело важное символическое значение и создавало юридические основания для взаимодействия таких объединений прежде всего с государством. Определенная демокра-

тизация общественно-политических процессов способствовала и активизации таковых. По словам В.В. Колозариدي, главы греческого общества с момента его образования вплоть до 2011 г., «была сильная, мощная тенденция в те годы – подчеркнуть свою национальность... и естественно, когда в 2000-х годах об этом можно было свободно заявлять, мы потянулись к своим национальным корням, своим традициям, своей культуре, хотелось окружить себя тем естественным фоном, который характерен для каждого грека, где бы он ни жил» [15]. Относительно создания РНКА В.В. Колозариди пояснил, что «региональная автономия – это, конечно, статус, который позволяет реализовывать определенного рода задачи, которые невозможно реализовать с помощью местной автономии или просто общества <...> когда мы поставили более высокие задачи – школа, отделение при университете, когда мы начали расти, финансировать это было невозможно, т.е. мы пользовались статусом, который был – выиграли несколько грантов, в том числе на федеральном уровне» [Там же].

Представляется, что роль государства в становлении греческой, как и других НКА Томска, заключалась в том, что оно определило границы деятельности таких объединений, предоставило некий юридический статус, институциональную основу для такого рода самоорганизации. При этом механизмы практического, особенно финансового содействия и взаимодействия с ними, а также реального участия НКА в общественной жизни на местах определены не были. Не появились они и впоследствии. Финансирование осуществлялось от случая к случаю, в форме грантов, которые, однако, сыграли свою роль в развитии НКА. Финансовые средства томской греческой НКА привлекались во многом из Ассоциации греческих общественных объединений России (АГООР) как следствие активной деятельности, осуществлявшейся греками Томска. На первом же этапе становления общества финансирование осуществлялось за счет собственных средств его членов.

Здесь необходимо проанализировать, какие еще движущие силы способствовали такой самоорганизации, ведь появление соответствующего закона – фактор важный, но не ведущий автоматически к образованию НКА. Обратившись к концепции «этнического предпринимательства» исследователей Джин и Джона Комарофф [14], применительно к греческой НКА можно отметить, что этнически заряженное измерение в ее деятельности, как и элементы «предпринимательства», безусловно, имели место быть. Эта деятельность включала сознательную, целенаправленную консолидацию руководством автономии греков, людей, разделявших данную этническую принадлежность, в Томске вокруг общества – и роль руководящего состава автономии представляется здесь ключевой, особенно на этапе становления. По мере развития общества им так или иначе использовались маркетинговые и пиар-приемы, осуществлялось брендинг общества, постепенно вы-

рабатывалась если не стратегия, то определенное видение его развития и продвижения. Нарбатывался определенный, прежде всего символический капитал (если говорить об обществе как о коллективном целом, и социальный капитал – если говорить о его членах в отдельности), что позволило расширить и укрепить присутствие автономии в публичном пространстве города, сделать ее узнаваемой и запоминающейся не только в самом Томске, но и за его пределами. Однако эта деятельность не являлась источником какой-либо финансовой прибыли, она не была коммерческим проектом или деятельностью как «просто бизнес». Не будем отрицать потенциальную значимость и возможность использования этничности как актива, ресурса, который может приносить материальную выгоду. В отношении греков Томска, по крайней мере на данном этапе, говорить об этом сложно.

Фактически деятельность томских греков носила более широкий общественный, культурно-просветительский характер. Руководство греческой НКА активно реализовывало инициативы, направленные, в значительной мере, и на не членов общества, не греков, а на городскую общественность в целом, вовне. Вся деятельность греческой НКА может быть охарактеризована скорее как проектная (хотя она достаточно продолжительна во времени), она не являлась основным видом деятельности, приносящим основной доход руководящим членам общества, хотя и осуществлялась через специализированную, «профессиональную» структуру. Мобилизация греков Томска происходила при апелляции к этничности, но этническая компонента при этом стала своего рода лишь ориентиром, в то время как горизонт деятельности общества не ограничивался ею и не сводился к ней. Именно это, представляется, и способствовало росту профиля греков прежде всего в Томске – они активно выходили в публичную сферу и особенно значимую для Томска ее часть – образовательную и культурно-просветительскую. Отсюда и частое использование томскими греками наименования Томска в качестве «Сибирских Афин», отсылающего нас к всеохватывающему, вневременному и внеэтническому наследию Античности, эллинизма и классицизма. Как поясняет В.В. Колозариди, «общества греков в центре России, Сибири характеризуются направленностью на удовлетворение в первую очередь культурных и образовательных потребностей. На юге России для вступления в общество требовалось непременно условие – греческая идентичность, в центральной части России и в Сибири главное – принадлежность к эллинистической культуре» [15. С. 231].

Обратившись к вопросу о манифестации этничности, согласимся с тем, что сама возможность этнических саморепрезентаций важна, так как они «позволяют создавать собственный значимый мир, выводить его за рамки частной жизни и встраивать в городской порядок» [16. С. 35]. Наличие форматов и площадок для этнической саморепрезентации в условиях города

представляется значимым как для мониторинга потребности в таковой, так и, возможно, для ее стимулирования и поддержания в определенной степени ее устойчивости. В случае с греками Томска саморепрезентация осуществлялась через организацию преподавания новогреческого языка для всех желающих – сначала при Томском государственном, затем при Томском политехническом университете – и специализированный класс с этнокультурным компонентом в гимназии № 18; проведение и участие в культурных и научно-образовательных мероприятиях общегородского и не только масштаба (Международный фестиваль «Дни греческой культуры в “Сибирских Афинах”», научные конференции, семинары и др.); выступления танцевального коллектива общества «Понтийская мозаика» на различных площадках (региональные фестивали «Радуга» и «Фестиваль дружбы народов»); организацию летнего детского отдыха в Греции, создание сайта автономии, а также открытое для участия широкой общественности празднование памятных дат греческой истории и греческих национальных праздников (День независимости Греции 25 марта, День ОХИ 28 октября и Рождество Христово 25 декабря) и др. Причем особенностью томского общества греков, как отмечается его руководством, было то, что, в отличие от греческих обществ юга России, все эти формы автономия консолидировала в своих рамках, под своим «крылом». С одной стороны, это может объясняться незначительной, по сравнению с южными регионами, численностью греков Томской области. С другой – активной ролью лидеров греческого общества Томска.

Итак, говоря о факторах мобилизации этничности у греков Томска, подчеркнем роль организующего начала, лидеров общества, его «активистов» [2. С. 170]. Они с первого этапа становления налаживали коммуникацию и взаимодействие между будущими членами общества, знакомились и знакомили их друг с другом, всячески стараясь поддерживать эти связи и в дальнейшем, собираясь для общения, совместного отмечания греческих национальных праздников и других значимых событий. О роли руководства греческой НКА в успешном осуществлении задач общества говорят и его представители. Динамика ее развития на протяжении пятнадцати лет также подтверждает тезис о во многом определяющей роли ее лидеров – после смены состава президиума автономии в 2010–2011 гг. наблюдается снижение ее активности как некоего целого, как организации, ее присутствия в городском пространстве, однако это связано и с рядом других причин. Среди них и то обстоятельство, что поддержание солидарности, общности (о которой подробнее говорится далее) в условиях динамичной городской жизни и современной жизни как таковой требует существенного вклада (времени и проч.) от каждого или значительной части членов этой группы, чего не наблюдалось в последние годы в греческом обществе. Фактически сегодня активно продолжает функционировать только его танцевальный

коллектив «Понтийская мозаика». Эпизодически ведутся курсы новогреческого языка на площадке ТПУ и «Дома дружбы народов», где в распоряжении автономии также есть свой небольшой кабинет и встречаются члены общества для общения и репетиций танцевального коллектива.

Анализируя особенности проявления этнической принадлежности у греков Томска, как в публичном пространстве, так и сфере межличностного общения внутри общества, обратимся к вопросу о диаспоральности.

Три определяемых многими исследователями критерия диаспоры – рассеянность (дисперсное положение) в пространстве, ориентация на «родину» и наличие границ, поддерживаемых членами диаспоры в отношении принимающего сообщества на протяжении жизни нескольких поколений [1. С. 7], – в целом применимы и в нашем случае, что позволяет говорить о греках Томска как о «диаспорной группе» [13], или «диаспорной общине» [17]. При этом нельзя не отметить ряд важных отличительных характеристик томского греческого общества. Дисперсность, безусловно, относится и к грекам Томска. Что же касается страны, территории «исхода» или «родины», внутри самого греческого общества нет единого представления о ней. Многие подчеркивают, что родина всех греков – Греция. Кто-то говорит о Константинополе («Поли») как о городе – «средоточии всего эллинизма». Кто-то подчеркивает свое происхождение из Понта, кто-то отмечает таковое, но апеллирует к единству всех греков безотносительно территории происхождения. Кому-то Афины и Крит в самой Греции кажутся ближе из-за ощущения, что «предки были где-то там, не в Северной Греции». Не учитывать это многообразие географических (и не только) измерений «родины» нельзя. Вопрос о ее географических и ментальных границах в представлении греков достоин отдельного детального изучения. Важно отметить, что многие члены общества ни разу не бывали в Греции и/или не поддерживают каких-то прямых и даже опосредованных связей с ней. В этом заключается еще одна особенность греков Томска – это очень ограниченное влияние на них современной культуры Греции. Безусловно, есть и те, кто посещает Грецию более или менее регулярно или поддерживает общение с родственниками, следит за развитием событий в стране, использует возможности общения с греками, приезжающими из Греции в Томск. Однако в целом дистанция между греческим обществом Томска и современной Грецией представляется большой в том смысле, что не позволяет говорить о каком-либо содержательном культурном обмене и постоянном взаимодействии (во многом и из-за незнания новогреческого языка), а также о его ориентации на нее. Отсутствует и сколь-либо значимая финансовая подпитка общества со стороны Греции, хотя значение последнего, как представляется, менее важно для укрепления общности томских греков по сравнению с воз-

можным культурным диалогом. Кроме того, члены томского общества – информанты автора – сегодня не связывают свое будущее с Грецией, хотя и хотели бы поддерживать связь с нею, например (по)бывать там. Примечательна ретроспективность их «греческости», когда последняя возрождается из прошлого и апеллирует к прошлому и памяти о нем, проецируется и манифестируется ими в настоящем, но не связывается, как и их жизнь в целом, непосредственно с Грецией в будущем.

Таким образом, ориентация томских греков на современную Грецию в качестве родины может считаться очень условной. Однако значение ориентации на родину в качестве критерия диаспоры сегодня, так или иначе, деакцентируется многими исследователями [1. С. 5].

Требующим уточнения представляется и такой признак диаспоры, как «сохранение на протяжении жизни нескольких поколений этнокультурной идентичности, служащей границей между диаспорной группой и более многочисленным принимающим сообществом» [13. С. 28]. Для греков Томска характерно именно восстановление, воссоздание, возрождение – термины, в которых многие члены общества сами описывают этот процесс – «своей» культуры. Речь здесь идет не о сохранении, а о реконструкции этнокультурных элементов, которые были утрачены, не передались новым поколениям, по историческим меркам, достаточно быстро. Это касается даже семей греческих политических эмигрантов, сравнительно недавно мигрировавших в СССР, причем непосредственно из Греции. Даже второе, третье поколения потомков таких семей не владеют, к примеру, греческим языком. Частью объяснения этого может быть то обстоятельство, что почти все их потомки – выходцы из смешанных браков, а также практические соображения – языком принимающего сообщества являлся русский. Память о советских репрессиях в отношении греков также не располагала к сохранению и воспроизводству элементов греческого прошлого на новом месте пребывания, в жизни, начатой заново.

Таким образом, репрезентация элементов этнической культуры здесь стала возможна в результате исключительно сознательного целенаправленного их поиска, осмысления и принятия как «своих», поиска и актуализации «своих корней» как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Так, приход к осознанию и проявление интереса к греческой культуре у членов общества, с которыми автор беседовала, произошел уже в сознательном возрасте. У некоторых приход в греческое общество (здесь подразумевается и танцевальный коллектив «Понтийская мозаика», действующий в рамках него) произошел из личного интереса. У кого-то – через сложившийся круг общения, при этом у кого-то впоследствии обнаружили греческие корни в семье, а у кого-то таковых нет, что не мешает их полноценному участию в жизни общества. И здесь стоит отметить роль самого общества (а не семьи), стимули-

ровавшего такой интерес и вовлеченность, в рамках которого ощущение информантами своей греческой этнической принадлежности укрепилось. Однако следует отметить, что и для членов общества, кто имеет греческое происхождение, характерна множественная принадлежность, например «русский грек» – один из неоднократно упоминаемых ими в отношении себя этнонимов. Отмечалось в беседах и влияние территории проживания, которая, по словам одного из информантов, «накладывает свой естественный отпечаток» на человека.

Таким образом, особенностью культурного воспроизводства у греков Томска является реконструирование греческих этнокультурных элементов, причем этот процесс происходил и происходит преимущественно в отрыве от «первоисточника», «исторической родины», и на данном этапе исследования говорить о наличии каких бы то ни было границ между членами греческого общества и томского сообщества не приходится.

Ввиду вышесказанного наиболее значимой, в том, что касается выбора и актуализации этнической принадлежности, самоидентификации, в частности у греков Томска, представляется эмоционально-психологическая составляющая. Здесь более глубокий анализ процессов именно на индивидуальном, микроуровне, в качестве отправной точки, кажется автору в перспективе наиболее уместным. В этой связи интересной и адекватной для осмысления полевого материала нам видится уже упомянутая концепция принадлежности (belonging) [6]. В рамках нее предлагается анализировать динамику коллективных констелляций (collective constellations) через изучение индивидуальных жизненных траекторий [Там же. С. 4]. Принадлежность понимается здесь как «комбинация индивидуально приобретенного, межличностно обговариваемого и подверженного структурному влиянию знания и жизненного опыта [Там же. С. 5]. Это эмоционально заряженная, очень динамичная социальная локация, т.е. положение в социальной структуре, переживаемое посредством идентификации, встроенности, связанности и привязанностей [18. С. 1]. Это центральное измерение жизни... которое трудно уловить с помощью аналитических категорий... учитывая его ситуативную природу и многомерность» [6. С. 5]. Дж. Пфафф-Чарнека отдает предпочтение именно концепции принадлежности и указывает на категоричный и ограниченный характер концепции идентичности. Она критикует последнюю, соглашаясь с Р. Брубейкером и Ф. Купером в том, что «идентичность опирается на резкое обозначение границ, партикуляризм, предрасположенность к подкреплению социальной разделенности» [Там же. С. 6]. При этом она отмечает, что свойствами социального исключения обладают как политика идентичности, так и политика принадлежности. Однако вторая имеет потенциал для «расширения границ, инкорпорирования и определения новых общих оснований [для включения]» [Там же]. Примечательно в этой связи

обращение к опыту томских греков – вот мнение одного из информантов (греческого происхождения) об участниках томского общества негреческого происхождения: *«Хотел бы отдельно отметить вот именно тех, кто интересуется греческой культурой не будучи греками, т.е. лично для меня они больше греки, чем те греки, которые будучи ими по рождению, но ничего для этого не делают»*. В определенном смысле схожая точка зрения звучала и в беседах с другими представителями общества. Так, на вопрос о том, что значит быть греком/гречанкой, другой информант-участник фокус-группы, ответил: *«говорить по-гречески и знать греческую культуру, в первую очередь, я думаю»*. Высказывалось и мнение о том, что *«быть гречанкой значит быть свободной»*, при этом свобода понималась собеседницей автора как *«свобода определять собственное развитие, эта свобода не какое-то там своеволие, скажем, нет, не в этом плане – это свобода в развитии»*. И таких примеров можно привести достаточно, где «греческость» не связывается напрямую с этническим происхождением и корнями, хотя, безусловно, были и другие мнения, апеллировавшие к «предкам» и «крови». У некоторых информантов зачастую присутствовали и те и другие определения одновременно. Это в целом свидетельствует об эклектичности, многомерности восприятия ими «греческости» и вновь – ее включающем потенциале. Если же говорить об этнической компоненте «греческости» тех членов общества, кто имеет греческое происхождение, то и здесь также заметны некоторые нюансы. С одной стороны – подчеркивание своего происхождения именно из исторической области Понт (понтийский эллинизм) – понтийская составляющая греческого общества Томска явно прослеживается и в названии его танцевального коллектива – «Понтийская мозаика», и в танцах, исполняемых им. С другой – нивелирование значимости территории происхождения, указание на «искусственность» такого различия и апелляция к Греции и общему происхождению греков и их «греческой сущности».

Дж. Пфафф-Чарнека разделяет понятия «принадлежность к» и «принадлежность вместе/с» [6. С. 5]. Последнее наиболее уместно и для нашего анализа и включает в себя такие составляющие, как: 1) общность (commonality), 2) взаимность/обуюдность (reciprocity) как «признание другого» и «более или менее формализованные методы коллективной приверженности/лояльности» – так, ассоциации и организации ожидают участия, вовлеченности со стороны своих членов, принятия ими общих целей и достаточного вложения временных и других ресурсов [18. С. 3]. К третьей составляющей относятся привязанности (attachments) как к материальному, так и нематериальному – пространствам, местам, ландшафтам и т.п., – имеющему отношение как к прошлому, так и создаваемому в настоящем. Общность в понимании Дж. Пфафф-Чарнеки также, в свою очередь, является многомерной. Она означает «восприятие разделения (sharing), особенно разде-

ления общего удела, а также культурных форм (языка, религии и образа жизни), ценностей, опыта и конструкций памяти» [6. С. 5]. Общность индивидуально ощущается и воплощается, при этом коллективно обговаривается и исполняется [Там же]. Общность наиболее ярко, в случае с греками Томска, проявляется и переживается в ходе подготовки, репетиций и публичных выступлений танцевального коллектива «Понтийская мозаика», а также в танце как таковом, как неотъемлемой части любого мероприятия, проводимого обществом, как публичного, так и внутреннего. Танец как способ единения и перформанс единства значим в греческой культуре в целом. Это характерно и для жизни греков Томска в частности. По словам одного из участников танцевального коллектива томских греков, танец – *«часть культуры <...> очень просто к этому прикоснуться <...> к культуре греческой, проще, чем даже через язык, потому что язык – сложнее, а танец, он – универсальный: ты видишь, понимаешь движения, суть и присоединяешься, танцуешь, как-то сразу вливаешься»*.

Таким образом, для них танец есть наиболее доступная и основная форма репрезентации своей «греческости» на данном этапе (а также наиболее устойчивая и востребованная на всем протяжении жизни общества), ее «инсценирование и проигрывание» [19. С. 136].

Для развития рассуждения об эмоционально-психологическом аспекте принадлежности важно было бы обратиться и к анализу «греческости» как перформанса, точнее перформансу этой принадлежности через танец и музыку (два важнейших взаимосвязанных элемента), что достойно, однако, отдельного рассмотрения. Другие формы общности у греков Томска – это совместная организация и проведение различных мероприятий общества, греческих праздников, в ходе которых чувство общности мобилизуется, где каждый призван внести свой вклад в общее дело.

Собранный автором полевой материал и включенное наблюдение позволяют подтвердить применимость и говорить о потенциальной продуктивности применения обозначенного выше теоретического видения к анализу и осмыслению внутренней жизни греческого общества Томска. Действительно, в ходе бесед с ее членами можно выявить их ощущение общности, основанной на интересе и/или привязанности к греческой культуре, разделяемое ими ощущение личной ответственности, долга перед предками, который налагает данная этническая принадлежность, почему, таким образом, и важно ее (вос)производить. Фактически она из состояния «(само – Е.М.) приписываемой» переходит в состояние «приобретаемой/приобретенной».

Отдельно стоит отметить наблюдение, которое касается религии как одной из форм общности, в нашем случае – православия. Хотя прямой вопрос о религиозной принадлежности и вере не ставился перед информантами, в ходе общения с ними тема православного

вероисповедания неоднократно возникала. Кто-то хотел найти и приобрести определенную греческую икону. Кто-то изначально пришел в греческое общество через интерес именно к православию (информант негреческого происхождения). Кто-то высказал мнение, что «*православие позволило сохраниться греческой нации как таковой... любой грек – это православный, это естественная наша сущность... это естественное, уходящее в глубь веков, наше начало...*». Кто-то был удивлен (даже несколько возмущен) тем, что многие не знают, что греки – православные. Религия представляется одним из значимых факторов ощущения общности в принципе, и православие – в греческой общности и обществе здесь в частности. Эта составляющая греками Томска также манифестируется, например, через наличие флага Константинопольской Православной Церкви (с изображением двуглавого орла на желтом фоне) рядом с государственным флагом Греции в информационных материалах автономии и на ее мероприятиях. Также в ряде мероприятий – богослужение на греческом языке в Богоявленском соборе 19 мая 2009 г., регулярное празднование Рождества Христова (последнее состоялось на площадке Томской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина, куда прийти и заодно познакомиться с греческой автономией могли все желающие). Участие томского общества греков в ежегодном паломничестве в рамках АГООР в монастырь Панагия Сумела в Турции также очень показательно в этой связи. На личном, индивидуальном уровне эта религиозная принадлежность видится значимой и связывается во многом с этнической. Она также является частью эмоционального измерения принадлежности.

Второй аспект принадлежности – взаимность, или обоюдность, – связан с моральными обязательствами членов общества друг перед другом в вопросе осуществления вклада в общее дело (инвестиции своего времени и сил, идей и зачастую материальных средств), а также с разделяемым многими ощущением долга в деле сохранения памяти о корнях и достойного представления греческой культуры в публичной сфере сегодня, о котором говорили информанты.

Что же касается (не)материальных привязанностей как третьей составляющей принадлежности, отметим то «свое» физическое пространство, которое имеется сегодня в распоряжении греков в «Доме дружбы народов» в центре Томска для репетиций танцевального коллектива, но также и для встреч членов общества и его гостей и проведения мероприятий. Данное пространство есть физическая составляющая того нового, «своего», социального пространства, которое значимо для членов общества и непосредственно в его рамках ими и создается.

Подытоживая все вышесказанное, можно говорить о греках Томска как о «диаспоральной общности», подчеркивая тем самым значимость ощущения ее членами общего и общности, приверженности диаспо-

ральному проекту [1. С. 13], степень которой варьировалась на протяжении пятнадцати лет деятельности греческой НКА, усиливаясь в отдельные ее периоды и снижаясь в другие.

Консолидация и манифестация греческой этнической принадлежности в Томске в определенной мере обусловлена и стала возможной благодаря городской среде. Отличительной особенностью этой среды является высокий уровень образованности, вовлеченности людей в научно-образовательную и культурно-просветительскую сферы деятельности. Томск давно известен как научно-образовательный центр, был в советское время и является и сегодня точкой притяжения выходцев из Средней Азии, прежде всего Казахстана и Узбекистана, которые приезжали и приезжают сюда для получения образования. Отметим, что томские греки – выходцы из этих республик – сыграли основополагающую роль в образовании греческого общества города, которое в этом смысле представляется продуктом миграции. Однако на данном этапе существует немного площадок, форматов и возможностей для публичных репрезентаций этничности в томском городском пространстве, а те возможности, что есть, отражают в большей мере сценический характер таких репрезентаций, что во многом связано и с характером деятельности самих НКА, заданным законодательно на федеральном уровне. Отметим, что фактически коллектив «Понтийская мозаика» сегодня составляет «актив автономии» – это порядка 7–10 человек. Это, наряду с иными причинами, обуславливает ограниченное присутствие греческого общества в публичной сфере Томска сегодня.

В случае с томскими греками видятся особенно важными и другие факторы актуализации этничности, учитывая, что речь идет о городском пространстве (располагающем к нивелированию этнического), причем сравнительно небольшом и достаточно удаленном от «первоисточника», современной Греции или даже от объединений других российских греков (Сибири и юга России, например). При этом томские греки в Томске и Томской области совсем не многочисленны. Есть и ряд различий, в том числе в самом их «этническом» происхождении. Есть «старожилы» – если говорить об их присутствии в российском/советском пространстве – понтийские греки и относительно «новые» «мигранты» – потомки политэмигрантов из Греции. И здесь в перспективе важен анализ микропроцессов, личных историй и условий или обусловленности реконструкции и манифестации данной этнической принадлежности на индивидуальном уровне, который позволяет, основываясь на томском материале, предположить значимость эмоционально-психологического, культурно-символического измерений такой принадлежности. «Греческость» томских греков, представляется, может характеризоваться как «символическая этничность» [20. С. 1].

Однако, в отличие от видения Ганса Герберта относительно того, что такая этничность «не нуждается ни в

этнической культуре, ни в этнических организациях и прибегает к использованию (лишь – Е.М.) этнических символов [20. С. 1], нам представляется, что изначально символический характер этничности может побуждать к поиску и стимулировать предприятие коллективных усилий для ее реального производства, поскольку таким образом она переживается членами общества в действительности и способна, к тому же, давать реальные преимущества. Так, этническая принадлежность имеет и вполне практическое значение для членов общества потому, что посредством нее ими фактически создается новое, «свое» социальное пространство (тот самый «значимый мир»), дающее ощущение новой перспективы, «принадлежности вместе/с» к чему-то большему и значимому. В этом контексте и позиционирование общества в качестве части мировой греческой диаспоры, целенаправленный выход, особенно заметный в период активной деятельности томской автономии греков, за пределы Томска и Сибири, развитие связей с греками в других регионах России и за границей. Публичная же репрезентация (и «инсценирование» как одна из ее форм) важна еще и потому, что таким образом «происходит включение новых членов в общину, укрепление индивидуальной этнической идентичности (принадлежности. – Е.М.), а также символическое конструирование этнической общности» [19. С. 147].

Согласимся и с тем, что «инсценирование этничности можно рассматривать как механизм самосохранения этнической общины» [Там же]. Практическое значение участия в греческом обществе Томска для его членов связано и с наработкой ими дополнительного социального капитала, и с получением доступа к определенным возможностям, которые они не могли бы приобрести иначе и которые потенциально могут способствовать качественному изменению жизни каждого из них в отдельности (широкий круг знакомств, возможность поездок по России, в Грецию и другие страны для участия в мероприятиях других греческих обществ и их объединений – АГООР и Совета греков зарубежья – и т.д. Связь символической этничности и реального социального капитала отмечают и другие исследователи [21].

Все вышеизложенное – лишь первое приближение к пониманию обозначенных автором исследовательских вопросов, которые в процессе изучения также подвергаются уточнению. Тезисы и выводы, представленные здесь, требуют дальнейшего развития, выверки, углубления и конкретизации, проверки в ходе серьезной дополнительной полевой работы, учета всех возможных ограничений данного исследования и т.д. Они ни в коем случае не претендуют на несомненность и окончательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brubaker R.* The 'diaspora' diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. № 28. P. 1–19.
2. *Тишков В.А.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспора*. 2003. № 2. С. 160–184.
3. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson – Second edition. Verso / New Left Books, 1991. 124 p.
4. *Дятлов В.И.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // *Диаспора*. 2004. № 3. С. 126–139.
5. *Anthias F.* Identity and belonging: conceptualizations and political framings // *KLA Working Paper Series*. 2013. № 8. P. 1–22.
6. *Pfaff-Czarnecka J.* Multiple belonging and the challenges to biographic navigation // *ISA eSymposium for Sociology*. 2013. № 1. P. 1–17.
7. *Брубейкер Р.* Этничность без групп [Текст] / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
8. *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Отгиск, 2013. 624 с.
9. *World Population of Greeks from SAE*. URL: <http://www.kythera-family.net/download/WorldpopoGrks.pdf> (access data: 24.07.2015).
10. Ανακοίνωση των αποτελεσμάτων της Απογραφής Πληθυσμού-Κατοικιών 2011 για το Μόνιμο Πληθυσμό της Χώρας. Ελληνική Στατιστική Αρχή. Παράρτημα, 28 Δεκεμβρίου 2012 (Объявление результатов переписи населения-хозяйств 2011 года в отношении постоянно проживающего населения страны. Греческая статистическая служба. Пирей. 28 декабря 2012). URL: http://www.statistics.gr/portal/page/portal/ESYE/BUCKET/General/A1602_SAM01_DT_DC_00_2011_02_F_GR.pdf (access data: 24.07.2015).
11. *Всероссийская перепись населения 2010 года*. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 24.07.2015).
12. *Дзюха И.Г.* Греки в Сибири // *Эллинизм: культура, традиции и язык в российской государственности и в социуме Сибири* : сб. матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 30–31 октября 2009 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 177–187.
13. *Смирнова Т.Б.* Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы : дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009. 460 с.
14. *Comaroff John L.* Ethnicity, Inc. Chicago Studies in Practices of Meaning / Comaroff John L., Comaroff Jean. University of Chicago Press, 2009. 236 p.
15. *Колозариди В.В.* Эллинизм постсоветской России. Общественное движение: истоки и современность // *Эллинизм: культура, традиции и язык в российской государственности и в социуме Сибири* : сб. матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 30–31 октября 2009 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 229–243.
16. *Вендина О.И.* Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // *Вестник Института Кеннана в России*. М., 2008. № 13. С. 30–52.
17. *Попков В.Д.* Диаспорная община – модель взаимодействия с принимающим обществом // *Диаспора*. 2003. № 3. С. 126–153.
18. *Pfaff-Czarnecka J.* From 'identity' to 'belonging' in social research: ethnicity, plurality, and social boundary-making. URL: [https://www.unibielefeld.de/\(de\)/tdrc/ag_sozanth/downloads/From_identity_to_belonging.pdf](https://www.unibielefeld.de/(de)/tdrc/ag_sozanth/downloads/From_identity_to_belonging.pdf) (access data: 24.07.2015).
19. *Пешкова В.М.* Инсценирование «украинскости»: некоторые культурные практики репрезентации этнических различий в современной Москве // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. VIII, № 1. С. 136–148.
20. *Gans J. Herbert.* Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. Vol. 2, № 1. P. 1–20.
21. *Копцева Н.П.* Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири // *Социодинамика*. 2014. № 6. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_12201.html

Karageorgii Elena M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karageorgiy-elena@ya.ru

“ATHENS OF SIBERIA” OR “GREEKNESS” IN THE CITY SPACE OF TOMSK (ON THE CASE OF TOMSK NATIONAL–CULTURAL GREEK AUTONOMY).

Keywords: Diaspora; diasporicity; (symbolic) ethnicity; (ethnic) belonging; Greekness; commonality; Greek community.

The question that is of interest in Diaspora as well as transnational studies today is what underlies the mobilization and manifestation of ethnicity, with its entering the public sphere (V.I. Dyatlov) as a result and constituting a potentially important social factor, producing certain phenomena and processes and thus giving food for thought over the very nature of these, despite the discussions around terms and categories of analysis to be applied in this regard by the academia. In studying ethnicity and diasporicity, it appears to be of certain value to consider processes, factors and the dynamics of both the collective and individual order. To theoretically approach these issues, it is important to collect, accumulate, comparatively study and discuss new empirical data and field material. To address some of the issues raised, this article offers a look at the case of the Greek community of Tomsk. Particularly, it deals with the conditions and factors of formation of the community and its specificities, with the forms of manifestation of the Greek ethnic belonging, primarily as it happens in the given urban space. Based on the case of the Tomsk Greeks, the author analyzes the categories of ethnicity and diasporicity, the understanding of «Greekness» as such by the community members, as well as possible reasons for the actualization of their ethnicity as a form of belonging and the value of it for them. Methodologically, the field research included participant observation, a number of semi-structured interviews and informal conversations, as well as a focus group carried out among the most active community members currently, i.e. members of community»s dance ensemble «The Pontic Mosaic». The concept of belonging (F. Anthias, J. Pfaff-Czarnecka) is used as the main theoretical framework for the analysis. The author proposes to consider the Greek community of Tomsk as a «diasporic community», placing emphasis on their feeling of commonality and «belonging together/with» to a greater «diasporic project» (R. Brubaker), with the intensity of that feeling rising and falling over the course of community»s life. Among the factors underlying the activation and representation of Tomsk Greeks» ethnicity are the role of community»s leaders and activists (V.A. Tishkov), the city environment, with Tomsk being seen as a center of culture and education that attracts students from Central Asia (with the founders of the Greek community of Tomsk also coming from this region), and the emotional and psychological, cultural and symbolic dimensions, as well as practical considerations of Greeks regarding their belonging to the community and to the new social space created by them within it, plus, the joint belonging to a greater and significant whole (hence the positioning of the community as part of the world Greek Diaspora). It is concluded that «Greekness» of the Tomsk Greeks can, with certain reservations, be conceptualized as «symbolic ethnicity» (H.J. Gans).

REFERENCES

1. Brubaker, R. (2005) The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*. 28. pp. 1-19. DOI: 10.1080/0141987042000289997
2. Tishkov, V.A. (2003) Uvlechenie diasporoy (o politicheskikh smyslakh diasporal'nogo diskursa) [The passion for diaspora (about the political meaning of the diaspora discourse)]. *Diaspora*. 2. pp. 160-184.
3. Anderson, B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. 2nd ed. Verso / New Left Books.
4. Dyatlov, V.I. (2004) Diaspora: ekspansiya termina v obshchestvennyuyu praktiku sovremennoy Rossii [Diaspora: the expansion of the term in the social practice of modern Russia]. *Diaspora*. 3. pp. 126-139.
5. Anthias, F. (2013) Identity and belonging: conceptualizations and political framings. *KLA Working Paper Series*. 8. pp. 1-22.
6. Pfaff-Czarnecka, J. (2013) Multiple belonging and the challenges to biographic navigation. *ISA eSymposium for Sociology*. 1. pp. 1-17.
7. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English by I. Borisova. Moscow: HSE.
8. Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community]. Irkutsk: Otkis.
9. SAE. (n.d.) *World Population of Greeks from SAE*. [Online] Available from: <http://www.kythera-family.net/download/WorldpopoGrks.pdf>. (Accessed: 24th July 2015).
10. Greek Statistics Service. (2011) *Ανακοίνωση των αποτελεσμάτων της Απογραφής Πληθυσμού-Κατοικιών 2011 για το Μόνιμο Πληθυσμό της Χώρας. Ελληνική Στατιστική Αρχή. Πειραιάς, 28 Δεκεμβρίου 2012* [Announcement of the results of the population census-farms, 2011 in relation to the resident population of the country. Hellenic Statistical Authority. Piraeus. 28 December 2012]. [Online] Available from: http://www.statistics.gr/portal/page/portal/ESYE/BUCKET/General/A1602_SAM01_DT_DC_00_2011_02_F_GR.pdf. (Accessed: 24th July 2015).
11. Federal State Statistics Service. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda* [National Population Census 2010]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf. (Accessed: 24th July 2015).
12. Dzhukha, I.G. (2010) Greek people in Siberia. In: Minchenko, T.P. (ed.) *Hellenism: Culture, Traditions and Language in the state system of Russia and social stratum of Siberia*. Tomsk: Tomsk State University. pp. 177-187. (In Russian).
13. Smirnova, T.B. (2009) *Nemetskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v kontse XIX –nachale XXI veka: formirovanie i razvitie diaspornoy gruppy* [The German population of Western Siberia in the late 19th and early 21st century: the formation and development of diaspora groups]. History Doc. Diss. Omsk.
14. Comaroff, J.L. & Comaroff, J. (2009) *Ethnicity, Inc*. Chicago: University of Chicago Press.
15. Kolozaridi, V.V. (2010) Ellinizm postsovetskoy Rossii. Obshchestvennoe dvizhenie: istoki i sovremennost' [Hellenism in the post-Soviet Russia. Social movement: the origins and the present]. In: Minchenko, T.P. (ed.) *Hellenism: Culture, Traditions and Language in the state system of Russia and social stratum of Siberia*. Tomsk: Tomsk State University. pp. 229-243. (In Russian).
16. Vendina, O.I. (2008) Kul'turnoe raznoobrazie i "pobochnye" efekty etnokul'turnoy politiki v Moskve [Cultural diversity and the "side" effects of ethno-cultural policy in Moscow]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*. 13. pp. 30-52.
17. Popkov, V.D. (2003) Diasporaya obshchina – model' vzaimodeystviya s prinimayushchim obshchestvom [The diaspora community – a model of interaction with the host society]. *Diaspora*. 3. pp. 126-153.
18. Pfaff-Czarnecka, J. (n.d.) *From "identity" to "belonging" in social research: ethnicity, plurality, and social boundary-making*. [Online] Available from: [https://www.uni-bielefeld.de/\(de\)/tdrc/ag_sozanth/downloads/From_identity_to_belonging.pdf](https://www.uni-bielefeld.de/(de)/tdrc/ag_sozanth/downloads/From_identity_to_belonging.pdf). (Accessed: 24th July 2015).
19. Peshkova, V.M. (2005) Instsenirovanie "ukrainskosti": nekotorye kul'turnye praktiki reprezentatsii etnicheskikh razlichiy v sovremennoy Moskve [Staging "Ukrainian": some cultural practices of representation of ethnic differences in modern Moscow]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. VIII (1). pp. 136-148.
20. Gans, H.J. (1979) Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America. *Ethnic and Racial Studies*. 2 (1). pp. 1-20. DOI: 10.1080/01419870.1979.9993248
21. Koptseva, N.P. (2014) The Influence of Modern Cultural Practices on Ethnic Identity of Indigenous Small Ethnic Communities of the Central Siberia. *Sotsiodinamika - Sociodynamics*. 6. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.6.12201